

Любимова Г.В. Символика возрастных названий у русского населения Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы III научно-практической конференции. Барнаул: БГПУ. 1998. С. 115-118.

Понятие “возраст” в обществах традиционного типа было наполнено особым смыслом, поскольку несло в себе не столько количественные, сколько качественные характеристики: так, в частности, установлено, что определение возраста по годам представляет собой явление более позднее, чем определение его через “известный уровень роста и силы” (5, С.36).

В исторической ретроспективе категория “возраст” оказывается наиболее тесно связанной с категорией “времени”, поскольку та и другая характеризуются такими свойствами, как повторяемость (цикличность) и необратимость (линейность). Не случайно восприятие календарного года как человека, который рождается, растет, старится и умирает являлось существенной и устойчивой чертой традиционного мировоззрения, а популярная для средних веков историческая концепция рассматривала эпохи от сотворения Адама до рождения Христового и конца света как возрасты человечества.

Само слово “время”, принадлежащее к тому же семантическому гнезду, что и слова “веретено”, “вертеть”, “вращать”, было по своему происхождению связано с представлениями о цикличности и первоначально означало как бы “вращение” дней, месяцев и т.п. (21, С.72). Отметим, что относящееся к тому же семантическому гнезду слово “верста” имело как п р о с т р а н с т в е н н ы й (расстояние, которое проходит пахарь до поворота плуга), так и в р е м е н н о й (19, С.300; 21, С.54), в том числе, возрастной смысл - ср.: “юн верстою” в

значении “молод годами” (3, С.101) с некоторым социальным оттенком - у русских сибиряков, к примеру, бытовало выражение “в версту” в значении “в ровню”: “*в версту нашему Селиверсту*” (16, С.33).

Вообще время в традиционном мировоззрении воспринималось как проявление признаков жизненного процесса, аналогичного человеческому: сезоны и отрезки дня (наряду с топографическими элементами) сближались с возрастными циклами и отождествлялись с частями человеческого тела (18, Ч.1, С.45,52-53). В культуре коренных народов Сибири сохранились, к примеру, такие названия календарных месяцев, как “локоть”, “плечо”, “темя” (“макушка” зимы) и др. (9, С.202,213 и др.); русским сибирякам также был известен счет месяцев по суставам рук (там же).

В русле данной традиции (соотнесения понятий времени с частями тела) лежит зафиксированное среди русских старожилов на Колыме выражение “Адамовы веки” в значении “старина”: “*то было еще при адамыне, при адамовых веках*” (16, С.16). Примером обозначения элементов пространства через категории возраста у русских является фразеологизм “дедова сторона”, употреблявшийся в качестве названия северной стороны света (там же, С.37, Новосибирская обл.).

Сибирские материалы показывают, что время в повседневной жизни крестьян-сибиряков воспринималось в первую очередь как определенные циклы сельскохозяйственных работ. В начале XX в. крестьяне Иркутской губ., по сообщению корреспондента РГО, исчисляли время “*не по месяцам, а по рабочим сезонам (“сенокосом”, “в страды”, “в пашню” и т.п.) или по определенным промежуткам времени от праздника до праздника. Назвать текущий месяц и... перечислить месяцы по порядку - это могут не многие*” (АВГО, р.59,

оп.1, №17, лл.8-9). В течение суток время также измерялось в относительных, а не в абсолютных, величинах: *вставальна пора, чайна пора, обед, паужна, сумерки* и т.п. (13, С.119, Томская губ.); *“часов не знали, - писал Г.С.Виноградов, - шагами тень мерили, ночное время узнавали по кичигам (созвездиям)”* (АВГО, р.59, оп.1, №17, лл.10-11).

Полевые материалы показывают, что время в деревне вплоть до недавних пор определяли “по петухам” и “по солнцу”. А.Г.Власова (1934 г.р., с. Наумово, Тальменский р-н, Алтайский край) рассказывала, что *поднимались обычно “со вторыми петухами”; с третьими - только ленивые хозяйки вставали;* в светлое время суток отмечали - *“на прибыль”* или *“на убыль”* идет день, что было важно при исполнении некоторых обрядовых действий: так, *“дружка и тысячкий на свадьбе смотрели, чтоб день не на убыль шел, когда невеста с женихом венчаться поедут”*.

Способы восприятия категорий времени и возраста были, как уже отмечалось, тесно связаны, чем обеспечивалась принципиальная возможность их взаимной перекодировки. Фазы лунного календаря, к примеру, могли обозначаться теми же терминами, что и стадии жизненного цикла: так, в северно- и западнорусских губерниях слово **“молодик”** употреблялось в значениях “молодожен” и “молодой месяц”, а слово **“ветох”** имело значения “старик” и “месяц на ущербе” (3, С.52). В Сибири также бытовали выражения **“на молоду”** (в новолуние) и **“на старике”** (на исходе лунного месяца) (16, С.115,120, Красноярский кр.). Приведем некоторые половозрастные названия, зафиксированные у русского населения Сибири в конце XIX - начале XX вв., привлекая, при необходимости, общерусскую терминологию.

Дети, как правило, обозначались собирательными терминами, характеризующими их рост и поведение: “**мелочь**”, “**без годков**” - называли в Сибири детей младшего возраста (15, Вып.18, С.102, Пермск. губ., Сиб.); жители приалтайских сел в качестве переносного обозначения детей употребляли слово “**черев**”: “*и змея не ест своих черев*” (4). О начинающих ползать детях говорили “**паполза**” (АВГО, р.61, оп.1, №12, л.8об., Тобольская губ.), о начинающих говорить - “**лопотун**” (15, Вып.17, С.141, Красноярск. кр.).

Неоформленность, неопределенность статуса младенцев подчеркивалась такими терминами, как “**кувятка/кувяка**”, имевшими значения “младенец,ребенок” (без указания места), а также “сырой, непеченый хлеб” (Псковск., Тверск. губ.) (15, Вып.15, С.393).

Отождествление ребенка и хлеба, характерное для большинства традиционных культур (8, С.34-36), особенно ярко проявилось в обряде “перепекания” младенцев, которому в некоторых местах (Владимирская губ.) подвергались все дети: *мать клала ребенка на хлебную лопату и сажала его (или имитировала его сажание) в печь*. Новорожденный, как известно, не считался человеком пока над ним не совершался ряд ритуальных действий; обрядовое “перепекание”, предполагавшее, что всякий ребенок рождается “сырым” и нуждается в “доделывании”, было, таким образом, направлено на отделение ребенка от сферы “чужого” (природного, нечеловеческого) и приобщение его к сфере “своего” (культурного, человеческого) (1, С.41,53-54). В связи с этим, отметим бытовавший в Хакасии фразеологизм “*киснуть как на опаре*”, употреблявшийся как по отношению к детям (полнеть, добреть), так и по отношению к злакам (буйно расти) (16, С.88),

В качестве возрастного термина с “языческим” оттенком (нехристь) нередко могло использоваться этническое название соседнего народа (3, С.25); в *Нарымском крае*, к примеру, *младенца до крещения называли “татаринном” и не надевали на него рубашку, “почитая это неприличным”* (6, С.2).

Пренебрежительно-насмешливый оттенок по отношению к детям имели такие термины, как “**сарынь**”, употреблявшийся как бранное слово в значении “вольница”, и “**челядь**” (13, С.37, Томская губ.). В значении “дети, ребяташки, детвора” его использовал А.А.Макаренко: “*В Новый год, на заре, “челядь”... в одиночку и группами “посеват” овсом*” и т.п. (10, С.68, Енисейск. губ.).

В качестве подростковых широко использовались термины, производные от природных (растительных и животных) понятий: слово “**недоростыш**”, к примеру, имело значения “человек, животное или растение маленького роста” (15, Вып.21, С.30, общерусск.). В Енисейской губ. не достигшего совершеннолетия мальчика называли “**недоростиком**” (там же, С.30); девочка-подросток на Русском Севере звалась “**недоросленкой**” (там же, С.29). В то же время, в Сибири зафиксированы термины “**недорост**” и “**недоросль**” означавшие “шкуру теленка-оленя до года” и “шкуру молодого оленя” соответственно (там же, С.29,30, Индигирка).

В качестве возрастных использовались также термины, производные от рыбьих и птичьих названий - ср.: “**мелюзга**” в общерусском значении “дети” и “**мелюзга**” в значении “мелкая рыба типа окуньков” (15, Вып.18, С.103, Сиб.); “**зуёк**” в значениях “мальчик-подросток, помощник на промысловом судне” (севернорусск.) и “птица из породы куликов, чаек” (Тобольск. губ.) (3,

С.26; 15, Вып. 12, С.21-22). Из названий, производных от растительных понятий, отметим термины “**роща**” в значениях “подростки обоего пола”, “различного возраста деревенская молодежь” (10, С.126,170, Енисейск. губ..) и “**верба**” в значении “красавица” (12, №17, Тобольск. губ.), красивая, высокая, статная девушка или женщина, “покачивающаяся при ходьбе” (20, С.24, Омская обл., Хакассия).

Подключение к активной трудовой жизни семьи и общины подростков обусловило обилие социально-хозяйственных терминов, использовавшихся для обозначения данной возрастной категории. Сам термин “**ребята/робята**”, этимологически связанный с понятием “робить, работать”, обусловил его буднично-трудовое употребление. В краеведческой литературе приводятся подробные перечисления сельскохозяйственных и домашних работ, к которым подключались крестьянские дети подросткового возраста.

В “Списке Тобольских слов и выражений” дается, к примеру, определение термину “**борноволок**”, с пояснением, что им является *мальчик 7-11 лет, обязанность которого состоит в том, что при полевых работах он ездит верхом на одной из запряженных в бороны лошадей* (17, С.488).

Внутри подростковой категории имелись более дробные деления: по сообщению С.И.Гуляева, в заводских селах и городах Алтайского округа “**малолетками**” считались дети, не достигшие 12-летнего возраста, “**подростками**” - дети 12-17 лет, достигшие же 18 лет поступали в число “**мастеровых**” (ГААК, ф.163, оп.1, д.214, лл. 65об.-66); подростки 15-16 лет как “лица.., несущие половину повинностей”, назывались при этом “**полудушками**” (ГААК, ф.81, оп.1, д.75).

Термины, характеризующие такую возрастную категорию, как молодежь, означали достижение поры совершеннолетия и готовность к вступлению в брак. “Полный словарь сибирского говора” приводит общерусское выражение “**войти в года/лета**” в значении “стать взрослым, поумнеть”: *она в года вошла, созрела, поумнела* (11, Т.1, С.101). Общерусский характер имели также бытовавшие в Сибири выражения: быть “**на возрасте**” (достичь совершеннолетия), “**в самом прыску**” (о девке или парне в расцвете сил), “**в самой поре**”, означавшие наиболее оптимальный срок для брака (16, С.31,46 и др.).

Термин “**поспеть**”, употреблявшийся по отношению к совершеннолетним девушкам, (также как и термин, имевший значения “младенец”, “сырой, непропеченный хлеб”), является примером отождествления в народном мировоззрении этапов взросления человека и фаз приготовления хлеба, в данном случае означая “готовность ко вступлению в брак”.

Вошедшую в совершеннолетие девушку в Белоруссии и на Украине возили, к примеру, в корыте или в санях по селу с криками “поспела, поспела!”, что означало, что девушку можно сватать (3, С.90). Подобный обычай, как показывают полевые материалы, бытовал еще в первые десятилетия XX в. в переселенческих селах Алтая. “*Невесту выдавали так, - рассказывал А.Е.Шепелин (1924 г.р., российск, с. Красногорское, Красногорский р-н, Алтайский край): посадят в сани, сундук с приданым поставят, ездят по деревням и кричат: “Поспела! Кому нужно?”*, ну, кому нужно, тот и забирает. Она пофыркает и пойдет, хочешь-не хочешь, а идти надо. Старики все меж собой решали”. Ср. также общерусский обычай, согласно которому хозяйки, выпекая хлеб, специально звали дочерей поглядеть на подходившее в

квашине тесто, что было, как подчеркивает Г.И.Кабакова, метафорическим пожеланием плодovitости в будущей семейной жизни (8, С.34).

Термины “холостежь”, “холостяжник” и пр. обозначали в Сибири “вообще всех молодых парней”, (11, Т.3, С.18). Согласно тонкому наблюдению Л.М.Русаковой, слова “холостой” и “холст” этимологически восходят к общему термину, имевшему значение “пустой, ненаполненный, чистый”, причем наряду с обозначением молодых, еще не проявивших своих брачных способностей парней указанный термин мог использоваться для обозначения пустой, незаполненной вышивкой, (“незасеянной”, согласно народной терминологии), ткани (выражаю глубокую признательность автору за устное сообщение, - Г.Л.).

Многочисленные примеры использования термина “**молодяжник**” для обозначения половозрастной группы холостых и недавно женатых парней находим в заметках корреспондентов РГО по сибирским губерниям.: *вечером на Масляной неделе “молодяжник собирается на катушке”* (АВГО, р.59, оп.1, №17, л.76, Иркутская губ.) и др.

Высшая степень уважения коллектива к выросшим женихам и невестам, надежда на скорое выполнение ими важной биосоциальной миссии - рождение детей - выражались общерусскими терминами “**славник/славница**”. Описание вечорков в селе Усть-Ницынском Тюменского округа Ф.Зобнин сопроводил замечанием о том, что *девушки берут на них работу “для славы”*, чтобы окружающие по достоинству оценили их мастерство (7 С.61). ытовавшее в Томской губ. выражение “*пропустить славу*” означало “потерять репутацию” (16, С.171).

К одному из наиболее архаичных пластов возрастной терминологии и народной культуры в целом относится, как уже упоминалось, растительная и орнитоморфная символика, проявлявшая себя в орнаменте, фольклоре, а также обрядово-игровых комплексах. Образы **д и к и х** (лесных и водоплавающих) птиц в системе возрастного символизма играли роль “символов половозрастных групп молодежи и “молодых” в различных обрядовых ситуациях”, а образы **д о м а ш н и х** птиц сохранялись за категорией женщин семейных, причем на первый план выступали мотивы, связанные с культом плодородия (2, С.21-22). В записанных С.И.Гуляевым свадебных песнях Алтайского округа можно, к примеру, проследить постепенное замещение в ходе ритуала образов диких водоплавающих птиц (“**утица**”, “**сера перепелица**”, “**сер селезень**”, “**лебедь белая**”) домашними (“**серые гуси**”): *во время обряда выкупа косы девицы поют: “Утица, утица, ты сера перепелица / Ты пошто рано вылетывала / Из тепла гнезда утетьего? / Не сама собой вылетывала / Выводил меня сер селезень / За правое крылышко, за правое перышко”;* *когда дары жениха заканчиваются, отец выводит невесту из кути под пение девиц: “Отставала лебедь белая / От стада лебединого, / Приставала лебедь белая / Ко стаду ко серым гусям...”* (ГААК, ф.163, д.214, оп.1, лл.37-38).

Большинство терминов, относящихся к категории людей взрослых-семейных представлены в народной лексике как в мужском, так и в женском варианте: “**большак/большуха**”, “**хозяин/хозяйка**” и др. “Обложенного вполне всеми повинностями”, “в полной силе” человека в Сибири называли “**бойцом**” (13, С.37, Томская губ.); вопрос о том, можно ли считать данный термин указанием на способность

представителей данной категории выполнять не только трудовые, но и военные функции, остается пока открытым. Ближким к нему по значению, (а в ряде случаев синонимичным), можно считать термин **“годный”**, также употреблявшийся по отношению к способным выполнять натуральные повинности работникам *“не моложе 15 и не старше 50 лет”* (ГААК, ф.81, оп.1, д.4, л.10). Возрастной диапазон этой категории, как показывают документы районных архивов, мог варьироваться, ср. к примеру: *“На пай имеют право лишь годные работники, бойцы в возрасте 15-60 лет, вследствие чего у стариков, вышедших из подати, пайки отбирают”* (Маслянинский районный архив, ф.1, оп.1, №1, л.5об., д.Никонова, Николаевская вол., Барнаульский у., Томская губ., 1908 г.). Крестьянин, плативший подати государству, назывался поэтому **“годной (гожей) душой”**, а выражение **“выйти из годных”** означало **“потерять трудоспособность”**, состариться (16, С.51, 55, Томская губ.).

Вообще, понятие старости чаще всего обозначалось с помощью фразеологизма **“большие года”** (14, С.36); выражения **“быть под годами”**, **“выйти из годов”**, **“потерять года”** имели значения **“состариться”**, **“быть пожилым”**, **“войти в преклонный возраст”** (Там же, С.81,96). В связи с этим выскажем предположение, что термин **“годный”** был этимологически связан именно с понятием **“год”** (**“находящийся в самых годах”**, то есть, в зрелом возрасте) и лишь позднее приобрел значение **“способный к определенной деятельности”**.

Отметим, что термины **“дед”** и **“баба”**, **“старик”** и **“старуха”** во многих случаях носили ритуализованный оттенок. Вообще понятие **“старик”** для традиционного общества являлось не просто возрастной категорией, стадией жизненного цикла, но означало своеобразную

социальную роль (18, Ч.2, С.78-90). Известно, к примеру, что в славянской мифологии (в частности, у белорусов) духи предков назывались “дедами”; “дедушкой-соседушкой” в Сибири, как и в России в целом, называли домашнего духа в образе старика - домового, которым нередко пугали детей (20, С.56, Иркутская обл.); термин “бабушка” имел общерусское хождение в значении “лекарка-знахарка” (14, С.14). Выражение “ветер с дедовой стороны” использовалось, как уже упоминалось, для обозначения “холодного, северного ветра” (16, С.37, Новосибирская обл.), являясь наглядным примером того, что умершие предки, согласно традиционному мировоззрению, становясь защитниками рода, перемещались в мифическое (дикое) природное пространство (18, Ч.1, С.218).

В целом, половозрастные названия у русских сибиряков изучаемого периода, как показывают материалы по народной лексике, этнографии и фольклору, нередко содержали архаичные представления, связанные с ритуальными функциями представителей обозначаемых групп, а само понятие “возраст” означало не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, а также брачный и социальный статус.

Примечания:

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.

2. Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // СЭ, 1982. №1.

3. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988

4. Вербицкий В. 5-я сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями // Томские губернские ведомости, 1863, №24.
  5. Гавлова Е. Славянские термины “возраст” и “век” на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология-1967. М.1969.
  6. Григоровский Н.П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки ЗСО РГО, Омск, 1982, кн. IV.
  7. Зобнин Ф. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа // Живая старина, СПб, 1894, Вып.1.
  8. Кабакова Г.И. О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // Живая старина, 1994, №4.
  9. Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
  10. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Записки РГО по отделению этнографии, СПб, 1913, Т. XXXVI.
  11. Полный словарь сибирского говора. Томск, 1992-1993. Т.1-3.
  12. Попов Т. Слобода Такмыцкая. Тарский округ Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1866, №4-9,17.
  13. Потанин Г.Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, 1864, Вып. VI.
  14. Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
  15. Словарь русских народных говоров. М.-Л. (Выпуски разных лет).
  16. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972
  17. Список Тобольских слов и выражений // Живая старина, 1899, Вып. IV.
  18. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988-1990, Ч.1-3.
  19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986, Т.1.
  20. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
  21. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.
- АВГО - Архив Всероссийского географического общества